

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР АЛТАИСТИКИ
И ТЮРКОЛОГИИ «БОЛЬШОЙ АЛТАЙ»
ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР
БОЛЬШОГО АЛТАЯ:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

*Материалы
II Международного алтаистического форума*

30 сентября — 3 октября 2021 г.
Барнаул — Горно-Алтайск

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

УДК 94(47)(063)
ББК 63.3(2)2-9я431
Т 985

Сборник материалов подготовлен в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

Ответственный редактор

С.В. Землюков, доктор юридических наук, профессор,
президент Алтайского государственного университета,
руководитель НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай»

Редакционная коллегия

А.А. Васильев, д-р юрид. наук, профессор АлтГУ
С.П. Грушин, д-р ист. наук, профессор АлтГУ
П.К. Дашковский, д-р ист. наук, профессор АлтГУ
А.В. Ковалева, д-р социол. наук, профессор АлтГУ
Ю.А. Лысенко, д-р ист. наук, профессор АлтГУ
И.В. Октябрьская, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник
Института археологии и этнографии СО РАН
И.В. Анисимова, канд. ист. наук, доцент АлтГУ
О.А. Латышева, канд. с.-х. наук, доцент АлтГУ
И.И. Назаров, канд. ист. наук, доцент АлтГУ
Е.В. Понькина, канд. техн. наук, доцент АлтГУ
С.Б. Сарбашева, канд. филол. наук, доцент ГАГУ

Т 985 Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность : материалы II Международного алтаистического форума. Барнаул — Горно-Алтайск, 30 сентября — 3 октября 2021 г. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. — 504 с.

ISBN 978-5-7904-2597-4

В сборнике представлены научные материалы II Международного алтаистического форума «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность», который состоялся 30 сентября — 3 октября 2021 г. на базе Алтайского государственного университета и Горно-Алтайского государственного университета. Целью II форума являлась консолидация ведущих научных школ и экспертов России, стран Большого Алтая и Центральной Азии в области изучения алтаистики и тюркологии; обсуждение научно-экспертным сообществом историко-цивилизационного наследия славянских и тюрко-монгольских народов. В представленном сборнике рассматриваются актуальные вопросы алтаистики: этнополитическая история, археология и этнография народов Большого Алтая, религиозное мировоззрение и развитие языков тюрко-монгольских народов, сохранение историко-культурного наследия Большого Алтая и Центральной Азии, факторы устойчивого развития и особенности формирования медиапространства данного региона.

Издание представляет интерес для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, занимающихся проблемами алтаистики.

УДК 94(47)(063)
ББК 63.3(2)2-9я431

ISBN 978-5-7904-2597-4

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2021

В традиционном казахском праве соглашение и решение выполняли роль регулятора споров в общественно-правовой сфере. Эти традиции выполняли большую роль в сохранении спокойствия в государстве, единства народа, в дальнейшем развитии стабильности в обществе.

Оптимальные решения, соглашения, вынесенные в интересах общества, в любое время вносят большой вклад в устойчивое осуществление правовой системы государства.

Литература

1. ЦГА РК. — Фонд 369. — 1 список. — 1 дело. — 124 с.
2. Болғанбайұлы Ә. Қара қылды қак жарған Қазыбек би // Древний мир казахов: в 10 томах. — Т. 1. — Алматы: Жеті жарғы, 2004. — 632 с.
3. Құрбанғали Х. Тауарих хамса: бес тарих-Алматы: Қазақстан, 1992. — 304 с.
4. Кенжалиев З.Ж. Дәстүрлі қазақ қоғамындағы сот билігі // Древний мир казахов: в 10 томах. — Т. 2. — Алматы: Жеті жарғы, 2004. — 672 с.
5. Едігенің түйе дауын шешуі // Древний мир казахов: в 10 томах. — Т. 1. — Алматы: Жеті жарғы, 2004. — 632 с.
6. Н.А. Назарбаев. Новый Казахстан в новом мире: Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана. — Астана, 2007. — 6 с.
7. Мамашәріптегі Ә. Аталар салған даңғыл жол // Древний мир казахов: в 10 томах. — Т. 1. — Алматы: Жеті жарғы, 2004. — 642 с.
8. ЦГА РК. — Фонд 4. — 1 список. — 23 82 дело. — 103 с.

Сведения об авторе:

Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, конституционного права, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан). E-mail: zhamaladen@mail.ru

«ДЛИННАЯ ВОЛЯ» КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ЭТОСА НОСИТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Р.В. Насыров

Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

Рассматривается возникновение и развитие этоса носителя государственной власти кочевых народов с точки зрения понятия «люди длинной воли». Вопрос исследован в контексте глубокого мировоззренческого и институционального кризиса современных политических элит.

«LONG WILL» AS A CHARACTERISTIC OF THIS BEARER OF STATE POWER OF NOMAD PEOPLES IN THE CONTEXT OF THE CRISIS OF MODERN POLITICAL ELITES

R.V. Nasyrov

Altai State University, Barnaul (Russia)

The article examines the emergence and development of the ethos of the bearer of state power of nomadic peoples from the point of view of the concept of «people of long will». The issue is investigated in the context of a deep ideological and institutional crisis of modern political elites.

Актуальность статьи предопределена кризисным состоянием современного государства, наглядным проявлением которого выступает тревожный факт снижения качества политических элит. Исследователи констатируют деградацию элиты, когда личностное благополучие начинает доминировать над чувством социальной ответственности, личностные цели замещают собой общенациональные и даже групповые [10, с. 135]. Эта глобальная проблема резко проявилась в России накануне и после распада СССР. Но и в настоящее время острым остается вопрос о наличии собственно национальной (суверенной) политической элиты, сочетающей в себе высокие профессиональные и нравственные качества, что является условием самосохранения и позитивного развития страны.

Методологической основой статьи выступает принцип историзма с учетом того, что в современных социогуманитарных исследованиях подвергается критике линейный взгляд на развитие об-

щества. По словам А.В. Болдачева, «анализ современной научной картины мира с эволюционной точки зрения показал ее противоречивость и неоднозначность» [3, с. 39]. Стоит признать возможность не только регресса в истории общества. Становится ясно, что преодоление кризиса требует не только выработку принципиально инновационных подходов, но и возврата к отвергнутым традиционным принципам и ценностям социального бытия. А. Панарин по этому поводу писал: «Не дистанцирование от прошлого, как того требуют теории, воюющие с традиционализмом, а новое прочтение опыта наших предков, новое сближение с ними требуется для достижения аутентичности» [11, с. 9].

В истории общества необходимо различать изменения и развитие (или, напротив, деградацию) сфер культуры и цивилизации с учетом того, что культура сохраняется и воспроизводится не только благодаря достижениям цивилизации, но и вопреки им. Цивилизация характеризует внешнюю сторону бытия общества и человека (технологии, формальный порядок, уровень комфорта и т.п.); культура же — это то, что «внутри человека», сложность (многоуровневость) или, напротив, примитивность (плоскость) тех ценностей и норм, которым человек следует. Разумеется, невозможно игнорировать происходящие в обществе изменения, но они скорее имеют отношение к внешней стороне общественной и индивидуальной жизни. Проблемы же социального бытия, в том числе и связанные с вопросами соотношения добра и зла, свободы и ответственности, себялюбия и альтруизма и т.д., остаются по своей сути неизменными. Развитие цивилизации приводит к тому, что новые условия бытия человека не позволяют скопировать формы и методы решения этих проблем у наших предков, но шкала оценки поведения человека остается неизменной. Всегда существует опасность вообще утратить представление об этой шкале (иерархии) ценностей и норм. Профанация культуры делает сомнительными и непрочными достижения в сфере цивилизации. Диагноз, который ставят философы, ученые-гуманитарии и художники обществу модерна (и постмодерна), раскрывается с помощью концепта «фаустовская сделка». За несомненно позитивные и удивительные достижения в сфере цивилизации человечество платит глубоким кризисом культуры, одним проявлений которого выступает указанная деградация политических элит.

Отказ от линейного взгляда на историю означает признание существования постоянных (константных) и переменных (вариационных) аспектов функционирования и развития общества; используя категории филологии, допустимо сказать, что в истории цивилизаций воспроизводятся (разыгрываются) и реализуются общие сюжет и функции, но при этом существуют многообразные композиции и персонажи. Так, все цивилизации сталкиваются с проблемой соотношения духовной и государственной властей, но этот неизменный и постоянно воспроизводимый сюжет имеет различные композиционные решения, которые соответствуют особенностям той или иной цивилизации. Например, в Индии существовали различные по статусу сословия (варны) брахманов и кшатриев, а в Китае, как известно, не было особого сословия жречества (духовенства), функцию духовно-интеллектуальной элиты реализовывали чиновники.

В отличие от современных представлений о том, что «политика — дело грязное», в прошлом, напротив, политика воспринималась как сфера деятельности «лучших», которые несут бремя государственной власти. Если в древнеиндийской политической доктрине носителями государственной власти могли быть только кшатрии (*ksatriya* — «наделенный могуществом»), то обосновывалось это тем, что представители этой варны по рождению являются носителями соответствующих аристократических достоинств. С точки зрения способа формирования политической элиты правило наследования, разумеется, является ложным и нецелесообразным, но это не должно приводить к отрицанию самого принципа аристократичности государственной власти. Центральным вопросом древнекитайской политической мысли была проблема использования на службе достойных людей. Мо-цзы (V в. до н.э.) советует: «Древние совершенномудрые ваны высоко ценили почитание мудрости, назначали на должность способных, не создавали группировок из родственников, не питали благосклонности к знатным и богатым» [8, с. 182].

В прошлом цивилизации регулярно переживали кризисы, причиной которых было, как правило, состояние и поведение элиты общества. Если в европейской политической культуре этот факт констатируется в резко звучащем афоризме «Рыба гниет с головы», то в древнекитайской политической мысли та же истина выражается изящнее в словах Конфуция: «Трава [народ] наклоняется туда, куда дует ветер [элита]». То, что было написано в первой четверти XVII в. в таком памятнике русской литературы, как «Временник» Ивана Тимофеева, раскрывает основную причину кризисов в истории России — это состояние элиты российского общества: «Они украшаются одеждами, заменяя ум длинными бородами», «Как драгоценная серьга у свиньи в ноздрях, так у недостойных чины». Историк литературы О.А. Державина так комментирует эти сказанные 400 лет назад слова: «Неумелые, неопытные в делах, жадные, эти люди кажутся Тимофееву лишенными чувства собственного досто-

инства и ответственности за судьбу страны. Им важно, по его мнению, только одно, — как можно больше наполнить свои карманы; они, как свиньи, пожирают все, что им попадется, и грызутся между собою как псы из-за добычи, стараясь перехватить друг у друга «лакомый кусок» — кратковременные блага жизни» [7, с. 391]. Наконец, предостережение от измельчания представителям аристократии Чингисхан, как воин, выражал просто, но при этом точно: «Лучше быть последним среди волков, чем первым среди шакалов».

Разумеется, речь идет об идеале политика, и история всех государств наполнена фактами недостойного поведения представителей элиты общества. Но это не является основанием для отождествления идеала с иллюзией. Давно пора понять, что идеалы и возвышенные принципы не могут стопроцентно воплотиться в жизнь, а их назначение в том, чтобы в соотношении добра и зла (порядка и хаоса, социальности и дикости и т.п.) был бы хотя бы небольшой перевес в сторону первого. По этому поводу есть глубокие суждения Л.Н. Гумилева под названием «Ложь как принцип». Особенно в сфере политики «обман входит в правила игры»; но одновременно с этим в прошлом существовал универсальный юридический институт клятвы: «Право на обман, на двусмысленность, уклончивость за человеком сохранялось, но только в повседневной жизни. Клятва же выделялась как экстраординарный акт, как отказ от следования законам природы, т.е. инстинкта самосохранения. Поэтому в свидетели, а точнее — охранители соблюдения клятвы, призывались боги и духи стихий, которые должны были наказать клятвопреступника» [6, с. 500]. Речь не идет о вере или неверии в Бога, а о сложности (многомерности) или, напротив, примитивности (плоскости) сознания человека. Даже после секуляризации общественной жизни и сознания человека какой-то период (по мнению С. Переслегина, до середины XX в. [12]) еще сохранялись представления о чести, совести, достоинстве. На наших глазах в настоящее время происходит процесс окончательного «вымывания» из сознания и этих остатков традиционного мировоззрения. И в прошлом была часть населения (нищие, изгои и т.п.), произнесение клятвы которыми не имели ни нравственного, ни юридического значения. Французский философ Ж. Батай дает такой диагноз современному обществу: «Эта система неизменно вызывает ощущение нищеты — ее моральные устои и поведение свойственны нищим» [2, с. 273].

Этос воина-кочевника можно воспринимать как исторический вариант рыцарского кодекса чести. Крайним «политэкономическим» упрощением было бы считать, что кодекс рыцарской чести лишь скрывал или приукрашивал основную цель класса феодалов — регулярно взимать с крепостных крестьян прибавочный продукт, т.е. поземельную ренту. Эта рента воспринималась не как самоцель, а как необходимое условие и предпосылка поддержания статуса аристократа, носителя военной и государственной власти. Французский придворный историк XV в. Ж. Шателлен так определял назначение и качества дворянства: «Аристократия же призвана возвеличивать добродетель и блюсти справедливость — деяниями и нравами прекраснейших лиц сего сословия являя зеркало всем прочим. Высшие задачи страны: поддержание церкви, распространение веры, защита народа от притеснения, соблюдение общего блага, борьбы с насилием и тиранией, упрочение мира... Правдивость, доблесть, нравственность, милосердие — вот ее качества» [13, с. 63].

Можно говорить об объективных предпосылках исчезновения в эпоху Возрождения и Нового времени этого средневекового рыцарского этоса, но считать ли однозначно неизбежным и позитивным утрату в процессе формирования буржуазных национальных государств представления об аристократической природе государственной власти и замену ее плоскими идеологемой «слуга народа»? Так, историки приходят к однозначному выводу, что самые масштабные и кровопролитные войны с огромными потерями среди мирного населения произошли именно в новейшей истории. У. Черчилль утверждал: «С тех пор как утвердилась демократия, у нас одна война сменяется другой», «Раньше война была жестокой и величественной. Теперь она стала жестокой и убогой». Ужасный символ Средних веков — костры инквизиции, на которых после судебного процесса в форме сложного религиозного обряда аутодафе сжигали еретиков — стоит сравнивать с печами Освенцима или с реальной угрозой сгорания всего человечества в топке ядерной войны. В комплекс условий и причин такого рода «прогресса» необходимо включить и тот факт, что войны перестали вести рыцари, джентльмены и (в соответствии с этосом воина-кочевника) «люди длинной воли».

Этос воина-кочевника можно воспринимать как исторический вариант рыцарского кодекса чести. Речь не идет о тождестве и типологическом единстве западноевропейского феодализма и социально-политической организации кочевого общества, а о параллелях и аналогиях. Как известно, рыцарь (нем. *ritter* — наездник) — это тяжело вооруженный всадник. В комплекс условий и причин, объясняющих, почему на обширном пространстве Северной Евразии именно тюрки первыми создали в VI в. обширное кочевое государство (Великий тюркский каганат — Держава Ашина), необходимо включать и тот факт, что первоначально тюркиты стали известны как добытчики и переработчики железа, в том числе и на Алтае. Поэтому тюрки смогли создать гвардию тяжелой конницы, которая

оказалась, по словам Л.Н. Гумилева, достойной противницей не только для соседних кочевых племен, но и «для китайских пеших копейщиков, и для иранских конных стрелков» [4, с. 74, 79]. Этот военно-технический фактор соединился и с социально-политическим и идеологическим; тюрки, в отличие от мощного племенного союза телесцев и военизированной орды жужаней, смогли достичь сочетания военного и племенного строя и возвыситься до понятия «Эль», т.е. государства-державы [4, с. 71].

Важно учитывать эволюцию значения слова «орда». В переводе с тюркского это слово означает «ставка военного вождя, хана». Далее ордой стали называть непосредственное окружение хана, которое формировалось не столько по этническому, сколько военно-организационному признаку: «Орда пополнялась добровольцами, предпочитавшими военный уклад семейному» [4, с. 68]. Причиной того, что жужани не смогли создать эль, т.е. прочную державу, объясняется тем, что «в жужаньской орде незаметно было никакого прогресса — все силы уходили на грабеж соседей» [4, с. 16], т.е. у этой орды не было «людей длинной воли», которые смогли бы преобразовать орду разбойников в государство.

Удивительно, что в ином контексте, но аналогичные процессы в это время проявились и в Западной Европе. Почему из многочисленных «варварских государств» раннего Средневековья именно государство Франков преобразовалось в империю Карла Великого, в котором, как известно, и сформировался западноевропейский феодализм? Происходившие в VI-VII вв. в государстве Франков события напоминают криминальные войны за раздел сфер влияния, когда наследники Хлодвига были еще не способны возвыситься до понятия Государства. Это состояние удивительно точно определил за тысячу лет до описываемых событий Августин Аврелий в своем знаменитом сравнении шайки разбойников и государства: «Когда подобная шайка потерянных людей возрастает до таких размеров, что захватывает области, основывает оседлые жилища, овладевает городами, подчиняет своей власти народы, тогда она открытое принимает название государства, которое уже вполне присваивает ей не подавленная жадность, а приобретенная безнаказанность» [1, с. 165-166]. То, что произошло в правление династии Каролингов, разумеется, нельзя трактовать как процесс уничтожения прежнего состояния господства военного сословия над местным населением, а скорее, это господство было введено в определенные нормативные рамки и облагорожено под влиянием христианской церкви и германских обычаев, содержавших представления о чести и достоинстве. Для нас важен сам факт, подтверждающий, что «место красит человека» — субъект, реализующий функции, присущие государственной власти, должен становиться носителем благородных, аристократических черт.

Наглядно и ярко этот процесс превращения пассионарных разбойников и грабителей в военно-политическую аристократию Л.Н. Гумилев описывает на примере зарождения империи Чингисхана. «В конце XI и начале XII в. в родовых общинах стали все чаще появляться юноши, которых режим воинствующей посредственности тяготил настолько, что они бросали юрты своих родителей и уходили в горы и пустыни. Их называли «людьми длинной воли» или «свободного состояния» и относились к ним так, как норвежские обыватели — хевдинги — в IX в. относились к откалывающимся от своих семей юношам-викингам. То есть очень плохо» [5]. Естественно, что эти «люди длинной воли» стали объединяться и жить за счет набегов и грабежей. При этом не переставали считать себя монголами и продолжали следовать обычаям своего этноса и считали себя его частью. Важно то, что Тэмуджин стал «человеком длинной воли» в 9 лет не добровольно, а по причине несправедливости своих сородичей. Повзрослев, Тэмуджин стал известен как «человек длинной воли», обладающий не только железной волей, но и справедливостью и умением обходиться с людьми; как отмечает Л.Н. Гумилев, к нему первоначально «присоединились не племена, а богатыри» [5].

Этот процесс формирования возвышенного этоса «людей длинной воли» нашел непосредственное отражение в монгольской Ясе. В «Истории монголов инока Магакии» так лаконично сформулирован дух этого памятника права: «Яса предписывает любить друг друга, не прелюбодействовать, не красть, не лжесвидетельствовать, не быть предателем, почитать старших и нищих, за нарушение — смертная казнь» [14, с. 286]. В Биликах (собраниях высказываний Чингисхана) конкретно и при этом точно определяется этос носителя государственной власти: «Всякий, кто может очистить свою душу от скверны, тот сможет очистить от воров и вверенный ему округ» [14, с. 289]. Золотое правило морали отражено в высказывании: «Каким образом человек познает себя, пусть познает и других». Как-то Чингисхан перечислял достоинства воина Есуи-Баку — не знает усталости, жажды, голода и т.д.; и делает вывод: «По этой причине не подобает ему начальствовать войском. Подобает начальствовать войском тому, кто сам чувствует жажду и голод и соизмеряет с этим положение других» [14, с. 290-291].

Не только в общественном мнении, но и в историографии сложился плоский образ Чингисхана как безжалостного и кровожадного завоевателя. Если вспомнить, что творилось в Западной Европе в Средние века и иметь в виду, что легально колониальная система капитализма просуществовала до

второй половины XX в., то возникает вопрос — «А судьи кто?». В «Улиссе» Дж. Джойса сказано: «История... — это кошмар, от которого я пытаюсь проснуться». Нобелевский лауреат А. Швейцер в 1960 г. негодовал: «Двадцать лет назад в парламенте одной из стран Европейского континента было как должное воспринято выступление, в котором о массовой гибели депортированных негров от голода и эпидемий говорилось как о «падеже», словно речь шла о скоте» [15, с. 46].

Вспомним известное высказывание русского философа В.С. Соловьева о том, что назначение государства и закона не в установлении рая, а в том, чтобы предотвратить наступление ада. Положение носителя государственной власти допустимо определять как «выдвинутость во зло». В восприятии рыцарем и богатырем известия «Война!» наряду с тревогой и обоснованным страхом содержится и чувство воодушевления — появляется повод показать свои лучшие качества воина. Подобно этому и современные представители государственной элиты в идеале должны воспринимать вызовы современной эпохи, как «экстрим», как возможность проявить качества истинного аристократа — ум, волю, честность, благородство, бескорыстие, т.е. быть «людьми длинной воли». Почему же это суждение в настоящее время не воспринимается как определение идеала носителя государственной власти, а невольно звучит с явными нотками злой иронии? Об утрате идеалов в сфере политики Ф. Закария пишет так: «Мы освободили высшие классы от всякого чувства ответственности, и они с удовольствием пошли нам в этом навстречу... Когда лидеры общества жили в соответствии со своими идеалами, им воздавали почести. Если они не соответствовали идеалам, общество выражало глубокое разочарование. Сегодня мы, напротив, ожидаем от власть имущих очень немногого — поэтому они нас редко разочаровывают» [9, с. 263].

Как правило, для человека более значимо отношение к нему членов той социальной группы, внутри которой он проявляет свои способности и самореализуется. Почему бы в состав корпорации, внутри которой данное лицо достигает состояния самоуважения, не включать и представителей этой «профессии» прошедших времен? В мотивах и целях деятельности современных «государственных мужей» их предшественников, прежде всего, удивило бы преобладание меркантильных начал и «вымывание» из их типичного образа даже установок на аристократические принципы чести и благородства. Во все времена деятельность «государственных мужей» сопровождалась проявлениями жестокости, злоупотреблений властью, корысти и т.д. Но если в этой мешанине различных проявлений государственной власти попытаться выделить начала благородства и бескорыстия, то в ряду типичных образов восточного чиновника, античного магистрата, средневекового феодала и кочевнического идеала «человека длинной воли» современный «государственный муж» явно предстанет в значительно менее достойном виде.

Литература

1. Августин Блаженный. О граде Божьем. — Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. — С. 165-166.
2. Батай Ж. Проклятая часть: Сакральная социология. — М.: Ладомир, 2006. — С. 273.
3. Болдачев А.В. Новации. Суждения в русле эволюционной парадигмы. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. — С. 39.
4. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М.: Айрис-пресс, 2013. С. 74, 79.
5. Гумилев Л.Н. Черная легенда (историко-психологический этюд). [Электронный ресурс]. — URL: <http://gumilevica.kulichki.net/articles/bl02.htm> (дата обращения: 12.09.2021).
6. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. — М.: Айрис-пресс, 2007. — С. 500.
7. Державина О.А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // Тимофеев И. Временник. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — С. 391.
8. Древнекитайская философия: в 2 т. — Т. 1. — М.: ПринТ, 1994. — С. 182.
9. Закария Ф. Будущее свободы: неолиберальная демократия в США и за их пределами. — М.: Ладомир, 2004. — С. 263.
10. Мохов В.П. Деграция элит: Проблема анализа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2014. — № 12 (50): в 3 ч. — Ч. II. — С. 135.
11. Панарин А.С. Народ без элиты. — М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. — С. 9.
12. Переслегин С. Бог и Правда покинули мир. [Электронный ресурс]. — URL: <https://yandex.ru/video/preview/?filmId=7505795232151995591> (дата обращения: 12.09.2021).
13. Хейзинга Й. Осень Средневековья. — М.: Наука, 1988.
14. Чингисхан. Сокровенное сказание. — М.: Эксмо, 2015.
15. Швейцер А. Культура и этика. — М.: Прогресс, 1973.

Сведения об авторе:

Насыров Рафаил Валейзянович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: nasirov.rafael@yandex.ru